

УДК 82-312.1

ИНСОМНИЧЕСКАЯ АНТИУТОПИЯ В РОМАНЕ Вс. ИВАНОВА И В.Б. ШКЛОВСКОГО «ИПРИТ» И РАССКАЗЕ А.Р. БЕЛЯЕВА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ СПИТ»

Ф.Е. Платонов (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье производится сравнительный анализ романа Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» и рассказа А.Р. Беляева «Человек, который не спит», входящего в цикл «Изобретения профессора Вагнера». Эти произведения в отечественном литературоведении ранее не сопоставлялись.

Цель статьи – проанализировать и сравнить указанные произведения как тексты, в которых присутствуют типологически схожие антиутопические мотивы.

Методология (материалы и методы). Статья опирается на многочисленные исследования, посвященные проблематике и поэтике советской литературы 1920-х гг., в частности на работы, посвященные специфике реализации жанра антиутопии в литературе первой трети прошлого века.

Обзор научной литературы по проблеме. Возможность анализа романа «Иприт» и рассказа «Человек, который не спит» в избранном ракурсе подготовлена работами Б.А. Ланина, Л.А. Морщихиной, З.И. Плех, С.Г. Шишгиной и др.

Результаты исследования. В статье устанавливается сюжетное и мотивное сходство романа «Иприт» Иванова и Шкловского и рассказа «Человек, который не спит» Беляева в части создания авторами инсомнической антиутопии. Антиутопические конструкции в этих произведениях возникают из идеи улучшения человеческой природы посредством биохимического воздействия на физическое тело. Это улучшение не сопровождается нравственным совершенствованием людей, а потому обнажает пустоту жизни большинства и лишает их существование смысла. Кроме того, писатели поднимают вопрос об использовании изобретения в дурных целях бизнесом и государством и об ответственности науки.

Выводы. Разрушение антиутопической реальности в обоих произведениях оказывается связано с идеей социалистической революции. Важное отличие реализации схожего сюжета – в оптимистическом и отчасти узком взгляде Беляева на последствия онейрической «кастрации» человека и осторожном, но глубоком пессимизме Иванова и Шкловского.

Ключевые слова: Вс. Иванов, В.Б. Шкловский, А.Р. Беляев, фантастика, утопия, антиутопия, инсомния, типологические параллели, сюжет, мотив.

Постановка проблемы. Советская фантастика 1920-х гг., сама по себе чрезвычайно богатая на сюжеты и формы [Николаев, 2006], породила также широкий пласт утопических и антиутопических произведений¹.

¹ Плех З.И. Становление жанра антиутопии в русской литературе 20-х гг. XX в. (на материале произведений Е. Замятин, А. Платонова, М. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Бишкек, 2008. 23 с.

Общество и страна активно менялись, созидалась новая политическая, социальная, экономическая, научная реальность, наблюдая за которой писатели прозревали впереди большие возможности и одновременно испытывали по поводу будущего серьезные опасения.

Обзор научной литературы. Жанры утопии и его зеркала – антиутопии [Солдатов, Тузовский, 2010; Долгих, 2017; Ланин², 1993; Морщихина³, 2004; Шишкова, 2009; Платонов, 2024] выразили это ощущение лучше всего. Антиутопические мотивы можно увидеть у крупных писателей, вроде М.А. Булгакова, А.Н. Толстого, Вс. Иванова, а также у тех, кто «работал в жанре», то есть, в частности, осваивал (или даже открывал) жанры фантастической литературы. Среди последних, конечно, особое место занимает известный советский фантаст А.Р. Беляев [Старцев⁴, 2021]. Беляевское литературное наследие обширно и при этом имеет множественные переклички с «большой литературой» двадцатых годов. Трудно и не вполне плодотворно устанавливать, кто именно на кого повлиял, когда обнаруживаются сюжетные и мотивные пересечения, например в булгаковской повести «Роковые яйца» и беляевском «Вечном хлебе», поскольку важнее оказываются не сходства, а отличия, смысловые и оценочные нюансы.

В представленной статье сопоставляются два произведения – роман Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» (1925) и рассказ Беляева «Человек, который не спит» (1926) – как тексты, в которых присутствуют антиутопические мотивы.

Цель статьи – проанализировать и сравнить указанные произведения как тексты, в которых присутствуют типологически схожие антиутопические мотивы.

Методология (материалы и методы). Статья опирается на многочисленные исследования, посвященные проблематике и поэтике советской литературы 1920-х гг., в частности на работы, посвященные специфике реализации жанра антиутопии в литературе первой трети прошлого века.

Результаты исследования. Роман «Иприт» появился на свет в том числе благодаря госзаказу: в 1922 г. Н.А. Бухарин «выдвинул тезис создания “коммунистического Пинкертонса”. Он подчеркивал агитационный потенциал авантюрной структуры и учитывал потребность массы в развлекательном, “легком” чтении» [Николаев, 2006, с. 309]. Как следствие, в 1920-е гг. появилось значительное количество произведений, которые в увлекательной форме помогали утверждать «красную идею». Среди них Д.Д. Николаев называет произведения В.П. Катаева, М.С. Шагинян, В.А. Гончарова, А.Д. Иркутова и В.В. Веревкина, Л.В. Никулина, Л. Рубуса (Л.А. Рубинова и Л.В. Успенского) и др. К сожалению, талантливо и

² Ланин Б.А. Русская литературная антиутопия XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. М., 1993. 344 с.

³ Морщихина Л.А. Классические и неклассические утопии в контексте социально-философских исследований: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Архангельск, 2004. 195 с.

⁴ Старцев Д.И. Творчество А.Р. Беляева и традиции научно-фантастической прозы в русской литературе второй половины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саранск, 2021. 21 с.

весело написанный роман Вс. Иванова и Шкловского не произвел большого впечатления на современников и оказался надолго забыт. Вместе с тем «Иприт» при внимательном чтении оказывается сложнее, чем обычная массовая авантюрная литература, и обладает высоким прогностическим потенциалом.

Так, «Иприт» в своем фантасмагорическом, пародийном сюжете содержит описание ряда возможных технических антиутопий, которые приводят человечество к цепи локальных апокалипсисов (об антиутопиях в творчестве Вс. Иванова см. статьи Е.А. Папковой [Папкова, 2022; 2025]). Техническое развитие мира в романе происходит прежде всего за счет ускоренного развития газо- и биохимии. И если газохимия в «Иприте» порождает непредвиденные проблемы с экологией, а с другой стороны, способствует реализации планов нападения Запада на Советский Союз (создание бомб, убивающих все живое), то биохимия открывает иную возможность – создание нового общества, состоящего из тех, кто не испытывает физическую потребность во сне.

Роман начинается с описания Лондона как антипода Москвы. Жизнь этого западного, капиталистического города показана пребывающей в социальных оппозициях: есть богатые и есть бедные. Бедные – это те, у кого по причине безработицы нет денег и нет дома. Писатели заостряют противоречия, сталкивая этих людей с репрессивным государственным аппаратом, организующим порядок, который превыше людей. Бедные «тяжелой походкой, полуспя, идут без ночлега», «Спать им нельзя, им нужно идти», «Полицейский стоит и смотрит. Он не хочет зла этим людям, он хочет только, чтобы они шли, – на улице спать нельзя» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 23). Но они и сами не могут полноценно спать, потому что им мешает усталость.

И если в этом пассаже можно увидеть только лишь сатиру на западное общество, то по ходу развития сюжета Иванов и Шкловский обозначают новый вид антиутопии: наука Европы создает человека бессонного. Профессор Монд, узнав в стране пипикуасов о бессонном газе, исходящем из земли, производит этот газ синтетическим путем. Он называет его «сусанит» (интересно, что имя Сусанна, в честь которой был назван этот газ, означает «лотос», образ которого, в свою очередь, вызывает ассоциацию с лотософагами – теми, кто ищет забвения). Профессор Монд сразу понимает, что сусанит «может стать могучим и решающим оружием» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 159), и одновременно, не смущаясь, он видит, что этот газ порабощает людей: «рабочие должны были работать 48 часов подряд, после чего получали право на шестичасовой сон в своих пещерах, затем опять 48 часов работы и 6 часов сна. И так это продолжалось уже на протяжении пяти лет» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 156). (Нужно также заметить, что в этом фрагменте писатели соотносят два коннотативных значения слова «дьявол» – дикий человек и дурной человек: для надсмотрщика Делинга его рабочие – это «черные дьяволы», для профессора Шульца сам Делинг – «старый дьявол» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 157), безжалостно эксплуатирующий порабощенных людей. И профессор Монд впоследствии стано-

вится таким же гордым «дьяволом», соединяющим в себе оба значения этого слова и не сомневающимся в своем расовом и социальном превосходстве: «Мы не негры и не чернорабочие» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 166.).

Профессор Монд считает сон болезнью, при которой тело выбрасывает сонный токсин. Газ сусанит уничтожает железы, производящие этот токсин. Кровью, в которой скапливается антитоксин, можно прививать других. (При этом профессор Монд, рассказывая коллегам о своем открытии, о сусаните, использует глагол «отравлять».) Ученый приводит слушателям множество положительных сторон такой «прививки», но все они связаны с представлением о государственной мощи: высокие, пафосные слова содержат внутри себя милитаристскую прагматику: «Сусанит дает возможность принести свой сон в жертву на алтарь отечества. // Сусанит даст возможность Англии вырабатывать военное снаряжение в утроенном количестве» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 166).

Глава 24 романа «Иприт» называется «О городе, который не спит». После этой ключевой мысли Иванов и Шкловский добавляют: «но много танцует» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 180). Противопоставление сна как бездействия и счастливого времяпрепровождения, однако, мнимое: танцы потерявших сон лондонцев болезненны, истеричны. Электрический свет, не оставивший места тени, гром и вой джаз-бандов, широкая сексуализация жизни и увеличение случаев суицида – следствие добровольной бессонницы, обнажившей пустоту бытия: «Люди влюблялись, чтобы заполнить пустоты двадцати четырех часов» и, с другой стороны, «бросались в Темзу, травились светильным газом» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 181) и проч. Само слово «сон» оказалось запрещено цензурой. Эту инсомническую антиутопию писатели завершают горькой иронией: тех, кто пытался уснуть при помощи дурманящих средств, полиция «приводила в сознание, пропуская через них ток, и отправляла на фабрики хлоропикрина, фабрики, рабочие которых скоро получали право легально и вечно спать на любом английском кладбище» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 183).

Сон в «Иприте» оказывается метафорой подлинно счастливой жизни, жизни, в которой есть место справедливости, осмысленности и отдыху. Каждая из этих составляющих связана с возможностью и необходимостью совершения социалистической революции: «О, когда же пробудится Англия, у которой украли сон!» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 207) – восклицает «нулевой» пациент негр Холтэн, который не сон, но бессонницу осознал как болезнь, принуждающую человека либо работать на трех работах по 8 часов на каждой, либо опускаться до базовых биологических инстинктов, либо накладывать на себя руки.

Рассказ «Человек, который не спит», входящий в цикл «Изобретения профессора Вагнера», опубликован А.Р. Беляевым в 1926 г., то есть спустя около года после романа «Иприт». Указанный цикл отстраивается от фигуры главного героя – гениального ученого, совершающего великие открытия в духе революционного времени. В этом беляевском образе соединяются фаустианские и серванtesовские мотивы: герой серьезен и порой даже инфернален и при этом

в некоторых ситуациях, напротив, комичен, как Дон Кихот [Иваньшина, 2016; Пономарева, 2023]. В массовом советском сознании 1920-х гг. и в научно-фантастической литературе, к нему апеллирующей, наука и ученые, дерзающие проводить поражающие воображение эксперименты, чаще всего предстают именно в такой психологической сложности. Заметим, что схожие с беляевским образами можно увидеть также в произведениях Вс. Иванова, В. Орловского, М.А. Булгакова, А.Н. Толстого и других писателей.

Профессор Вагнер, как и профессор Монд, исходит из того, что сон – это болезнь, возникающая у человека в результате отравления, как он это называет, гипнотоксинами. Но его способ преодоления болезни несколько отличается от того, что предложен в романе «Иприт»: если герой Иванова и Шкловского нацеливается на уничтожение железы, производящей токсины сна, то герой Беляева – на компенсацию работы этого токсина. Корреспондент Горев задается вопросом о том, как подействует это изобретение на людей, высказывает обоснованное сомнение, но профессор Вагнер убежден, что проблема скуки существует «лишь на низших ступенях культуры» (Беляев, 1964, с. 260), имея в виду прежде всего интеллектуальное развитие людей, оставляя духовную сторону жизни человечества за скобками.

Как и профессор Монд, профессор Вагнер – человек науки, «Дон Кихот» [Пономарева, 2023, с. 109] или «Фауст» [Иваньшина, 2016, с. 29], находящийся вне этики. Один подводит своих коллег к мысли о том, что «на одной чаше весов жизнь и здоровье всего лишь нескольких миллионов рабочих, на другой – вся колониальная политика Великобритании. Для “истинного” англичанина не было выбора и колебаний» (Иванов, Шкловский, 2005, с. 163), другой – считает, что перспективы его изобретений не стоят жизни нескольких «обывательских» (Беляев, 1964, с. 261) собак. Люди, пришедшие на суд над последним, после мягкого приговора задаются вопросом: «Значит, можно безнаказанно красть и убивать?» (Беляев, 1964, с. 254). Ни рассказ, ни цикл в целом не дают ответа на этот вопрос, в отличие от романа «Иприт», в котором профессор Монд закономерно погибает.

Изобретение профессора Вагнера, как и в случае с сусанитом, используется не для добрых целей. Герой Иванова и Шкловского – обманывающий ученый, герой Беляева – ученый обманутый, обманывающийся. Но в обоих случаях счастья их открытия не принесли никому. В «Иприте» бессонница стала уделом бедняков, которым пришлось больше работать, в «Человеке, который не спит» она, напротив, в большей степени оказалась возможностью для богатых, которые покупали чудодейственные пилюли против сна и усталости. Беляев «окрашивает» «прибавочное» рабочее время профессоров, юристов, врачей в темные тона: это не умножившаяся польза, но выросший доход. И отдельно обрисовывает жизнь тогдашней «золотой молодежи», которая «прибавочное» время конвертировала в «прибавочную сумму наслаждений» (Беляев, 1964, с. 280). Бедные же рабочие, как сказано, получали пилюли «бесплатно» (Беляев, 1964, с. 281). Это закавыченное наречие означает, что на две трети сокращенный рабочий состав оказался вы-

нужден трудиться в два раза больше, дольше. Причем восемь часов работникам оставляли, чтобы они могли потратить свои деньги и чтобы потом им пришлось работать еще.

Схож и финал обеих антиутопий. Лондонцы и берлинцы засыпают. Одни – потому что против них применили сонный газ, другие – потому что профессор Вагнер изменил состав препарата. Превращение западных городов в «сонное царство» в «Иприте» и «Человеке, который не спит» рассматривается писателями как возможность совершения революции. В Лондоне революцию делает Пашка Словохотов, в Берлине же люмпен-пролетариат теряется, но двое рабочих Карл и Адольф летят за помощью в Москву.

Выходы. Итак, роман Вс. Иванова и В.Б. Шкловского «Иприт» и рассказ А.Р. Беляева «Человек, который не спит» предлагают два варианта типологически схожей инсомнической антиутопии. На основе сведений о развитии биохимической науки писатели размышляют о возможностях и опасностях нового, бессонного мира. В обоих случаях открытия науки оказываются в безответственных и хищных руках деловых людей или государства, одинаково стремящихся к абсолютной власти – с помощью денег или с помощью насилия. И сами представители науки у писателей являются людьми вне этики и вне понимания закона причин и следствий [Гуларян, Першуков, Третьяков, 2016, с. 352] (авторы романа «Иприт» в этом отношении оказываются, впрочем, более дальновидными, представляя гибельные перспективы подобных изобретений). Иванов/Шкловский и Беляев хотя и представляют в своих произведениях сон в качестве болезни и предлагают схожие способы борьбы с ней, тем менее видят бессонное будущее по-разному: сон сохранят для себя богатые в «Иприте» – с ним останутся бедные в «Человеке, который не спит». Сон окажется ценностью или проблемой не сам по себе, а в зависимости от необходимости трудиться и зарабатывать деньги. Лишение сна у Иванова/Шкловского и Беляева обозначит одну из проблем будущего: свободное время обнажит душевнуюпустоту человека – потребителя развлечений и удовольствий.

Список источников

1. Беляев А.Р. Человек, который не спит (Изобретения профессора Вагнера) // Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Молодая гвардия, 1964. Т. 8: Рассказы. 528 с.
2. Иванов Вс., Шкловский В.Б. Иприт. М.: Ред Фиш, Амфора, 2005. 399 с.

Библиографический список

1. Гуларян А.Б., Першуков В.Н., Третьяков О.В. Трансгуманизм через призму фантастики: от скальпеля хирурга к информационным технологиям // Третий Лемовские чтения: сб. матер. Всероссийской научной конференции с международным участием памяти Станислава Лема, Самара, 24–26 марта 2016 г. Самара: Самар. национ. исследов. ун-т им. акад. С.П. Королева, 2016. С. 352–376.

2. Долгих А.Ю. Утопия и антиутопия: научная фантастика и действительность. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2017. 176 с.
3. Иваньшина Е.А. Жизнь или смерть? Фаустианские мотивы в творчестве А.Р. Беляева // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, № 3. С. 29–37.
4. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М.: Наука, 2006. 688 с.
5. Папкова Е.А. «Видения грядущего» в прозе В. Итина и Вс. Иванова 1920-х гг. («Страна Гонтури» и «Происшествие на реке Тун») // Соловьевские исследования. 2025. Вып. 1(85). С. 180–193.
6. Папкова Е.А. Фантастическое в прозе Всеволода Иванова 1910–1930-х годов // Литература в школе. 2022. № 4. С. 27–39.
7. Платонов Ф.Е. Утопические и антиутопические модели в послереволюционной России и их отражение в литературе 1920-х годов // Казанская наука. 2024. № 11. С. 324–327.
8. Пономарева Д.В. «Человек, который не спит»: о специфике интерпретации русского мифа о Дон Кихоте в серии рассказов А. Беляева «Изобретения профессора Вагнера» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2023. Т. 27, № 3. С. 109–120.
9. Солдатов В.Е., Тузовский И.Д. Социокультурное пространство в антиутопиях: основные черты моделируемого социума // Вестник ЧГАКИ. 2010. № 3 (23). С. 40–49.
10. Шишкина С.Г. Истоки и трансформации жанра литературной антиутопии в XX веке / Иван. гос. хим.-технол. ун-т. Иваново, 2009. 230 с.

Сведения об авторе

Платонов Федор Евгеньевич – аспирант, Московский университет им. А.С. Грибоедова; ORCID ID: 0009-0005-5904-343X; e-mail: fedor.platonoff@yandex.ru

INSOMNIC ANTI-UTOPIA IN THE NOVEL YPERITE BY Vs. IVANOV AND V.B. SHKLOVSKY AND THE STORY THE MAN WHO DOESN'T SLEEP BY A.R. BELYAEV

F.E. Platonov (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. This article provides a comparative analysis of Vs. Ivanov and V.B. Shklovsky's novel *Yperite* and A.R. Belyaev's short story *The Man Who Doesn't Sleep*, part of the *Inventions of Professor Wagner* cycle. These works have not previously been compared in Russian literary studies.

The purpose of the article is to analyze and compare these works as texts that contain typologically similar anti-utopian motifs.

Review of the scientific literature on the problem. Analysis of the novel *Yperite* and the short story "The Man Who Doesn't Sleep" from a selected perspective has been supported by the works of B.A. Lanin, L.A. Morshchikhina, Z.I. Plekh, S.G. Shishkina, etc.

Methodology (materials and methods). This article is based on numerous studies devoted to the problems and poetics of Soviet literature of the 1920s, in particular, works devoted to the specific implementation of the anti-utopian genre in literature of the first third of the last century.

Research results. The article establishes plot and motif similarities between Ivanov and Shklovsky's novel *Yperite* and Belyaev's short story *The Man Who Doesn't Sleep* in terms of the authors' creation of an insomniac anti-utopia. The anti-utopian constructs in these works arise from the idea of improving human nature through biochemical influence on the physical body. This improvement is not accompanied by moral improvement, and therefore reveals the emptiness of life for the majority and deprives their existence of meaning. Furthermore, the writers raise questions about the misuse of invention by business and the state, as well as the social responsibility of science.

Conclusions. The destruction of the anti-utopian reality in both works is linked to the idea of socialist revolution. An important difference in the realization of a similar plot is Belyaev's optimistic and partly narrow view of the consequences of the oneiric 'castration' of a man and the cautious but deep Ivanov and Shklovsky's pessimism.

Keywords: Vs. Ivanov, V.B. Shklovsky, A.R. Belyaev, fantasy, utopia, anti-utopia, insomnia, typological parallels, plot, motif.

Abstracts and sources

1. Belyaev A.R. Chelovek, kotoryi ne spit (Izobreteniia professora Vagnera) [The Man Who Does Not Sleep (Inventions of Professor Wagner)]. In: *Sobranie sochinenii. V 8 tomakh. T. 8. (Rasskazy)* [Collected Works. In 8 Volumes. Vol. 8 (Stories)]. Moscow: Molodaia gvardiia, 1964. 528 p.
2. Ivanov Vs., Shklovskii V.B. Iprit [Mustard Gas]. Moscow, Red Fish, Amfora, 2005. 399 p.

References

1. Gulyaryan A.B., Pershukov V.N., Tret'iakov O.V. Transgumanizm cherez prizmu fantastiki: ot skalpelia khirurga k informatsionnym tekhnologiiam [Transhumanism through the Prism of Science Fiction: from the Surgeon's Scalpel to Information

- Technologies]. In: *Treti Lemovskie chteniiia: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamiati Stanislava Lema, Samara, 24–26 marta 2016 goda* [Third Lem Readings: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation in Memory of Stanisław Lem, Samara, March 24–26, 2016]. Samara, Samarskii natsional'nyi issledovatel'skii universitet imeni akademika S.P. Koroleva, 2016, 352–376.
2. Dolgikh A.Yu. *Utopiia i antiutopiia: nauchnaia fantastika i deistvitel'nost'* [Utopia and Dystopia: Science Fiction and Reality]. Kirov, Raduga-PRESS, 2017. 176 p.
 3. Ivan'shina E.A. *Zhizn' ili smert'? Faustianskie motivy v tvorchestve A.R. Beliaeva* [Life or Death? Faustian Motifs in the Works of A.R. Belyaev]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriia Istoriiia i filologiiia* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2016, 26, 3, 29–37.
 4. Nikolaev D.D. *Russkaia proza 1920–1930-kh godov: avantiurnaia, fantasticheskaiia i istoricheskaiia proza* [Russian Prose of the 1920s–1930s: Adventure, Fantastic and Historical Prose]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 688 p.
 5. Papkova E.A. “Videniiia griadushchego” v proze V. Itina i Vs. Ivanova 1920-kh gg. (“Strana Gonguri” i “Proisshestvie na reke Tun”) [“Visions of the Future” in the Prose of V. Itin and Vs. Ivanov of the 1920s (“The Land of Gonguri” and “Incident on the River Tun”)]. In: *Solov'evskie issledovaniia* [Solovyov Studies], 2025, issue 1 (85), 180–193.
 6. Papkova E.A. Fantasticheskoe v proze Vsevoloda Ivanova 1910–1930-kh godov [The Fantastic in the Prose of Vsevolod Ivanov of the 1910s–1930s]. In: *Literatura v shkole* [Literature at School], 2022, 4, 27–39.
 7. Platonov F.E. Utopicheskie i antiutopicheskie modeli v poslerevoliutsionnoi Rossii i ikh otrazhenie v literature 1920-kh godov [Utopian and Dystopian Models in Post-revolutionary Russia and Their Reflection in the Literature of the 1920s]. In: *Kazanskaia nauka* [Kazan Science], 2024, 11, 324–327.
 8. Ponomareva D.V. “Chelovek, kotoryi ne spit”: o spetsifike interpretatsii russkogo mifa o Don Kikhote v serii rasskazov A. Beliaeva “Izobreteniia professora Vagnera” [“The Man Who Does Not Sleep”: On the Specifics of Interpreting the Russian Myth of Don Quixote in A. Belyaev's Story Cycle “Inventions of Professor Wagner”]. In: *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 2023, 27, 3, 109–120.
 9. Soldatov V.E., Tuzovskii I.D. Sotsiokul'turnoe prostranstvo v antiutopiakh: osnovnye cherty modeliruemogo sotsiuma [Sociocultural Space in Dystopias: Main Features of the Modeled Society]. In: *Vestnik ChGAKI* [Bulletin of ChGAKI], 2010, 3 (23), 40–49.
 10. Shishkina S.G. *Istoki i transformatsii zhanra literaturnoi antiutopii v XX veke* [Origins and Transformations of the Literary Dystopia Genre in the 20th Century]. Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, 2009, 230 p.

About the author

Platonov, Fyodor E. – PhD Candidate, A.S. Griboyedov Moscow University (Moscow, Russia); fedor.platonoff@yandex.ru; ORCID ID: 0009-0005-5904-343X